

Russian civil society of wartime: the specifics of development in the conditions of Special military operationa

D. L. Tsybakov¹

¹Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-1-20-29

Research article
Full text in Russian

The purpose of the article is to study the trends and features of the development of civil society in the Russian Federation in the process of a special military operation in the regions of historical Novorossiya. It is noted that the influence of ITS on the functioning of the Russian model of the «third sector» leads to fundamental transformations of the nature of the state-civil dialogue. It is argued that the field of civil-military relations is becoming a priority area of interaction between society and the state in modern Russia. As evidence, examples are given of an increase in the composition of non-governmental structures both in the direction of their activities and in spreading to the lowest level of territorial and political organization. It is proved that the priority task of the vast majority of newly emerged and previously existing public entities is to provide some kind of support to units and units of the Russian army in theaters of armed struggle, as well as social protection of military personnel and their family members. For a very limited time period, institutionalized and networked associations en masse include all new social aggregations and territorial communities, which became the organizing link of the national patriotic upsurge during the period of their independence. It is predicted that those actors who have been able to prove themselves as a link between the army and the people will be able to act as a core component of civil society in Russia of the 21st century in the foreseeable future.

Keywords: Civil-military relations; volunteers; armed conflict; civil society; public associations; Special military operation

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tsybakov, Dmitry L.	E-mail: d413839@yandex.ru
	ORCID ID: 0000-0001-8240-6415
	D. Sc. (Politics), Associate Professor

For citation: Tsybakov D. L. Russian civil society of wartime: the specifics of development in the conditions of Special military operation // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2024. Vol. 10, No. 1. P. 20-29. (in Russ.)

Российское гражданское общество военного времени: специфика развития в условиях СВО

Д. Л. Цыбаков¹

¹Академия гражданской защиты МЧС России, Химки, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-1-20-29
УДК 329.75

Научная статья
Полный текст на русском языке

Целью статьи выступает исследование тенденций и особенностей развития гражданского общества Российской Федерации в процессе Специальной военной операции в регионах исторической Новороссии. Отмечается, что влияние СВО на функционирование российской модели «третьего сектора» ведет к принципиальным трансформациям характера государственно-гражданского диалога. Аргументируется, что приоритетной сферой взаимодействия общества и государства в современной России становится область военно-гражданских отношений. В качестве доказательства приводятся примеры увеличения состава негосударственных структур как по направленности их деятельности, так и в распространении на самый низовой уровень территориально-политической организации. Обосновывается, что приоритетной задачей подавляющего большинства вновь возникших и существовавших ранее общественных субъектов становится оказание той или иной поддержки подразделениям и частям российской армии на театрах вооруженной борьбы, а также социальная защита военнослужащих и членов их семей. На протяжении весьма ограниченного временного срока институционализированные и сетевые объединения в массовом порядке включают в себя все новые социальные агрегации и территориальные сообщества, которые стали организующим звеном народного патриотического подъема в период СВО. Прогнозируется, что те субъекты, которые смогли проявить себя в качестве связующего звена между армией и народом, способны в обозримом будущем выступать стержневым компонентом гражданского общества в России XXI столетия.

Ключевые слова: Военно-гражданские отношения; волонтеры; вооруженный конфликт; гражданское общество; общественные объединения; Специальная военная операция

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цыбаков, Дмитрий Леонидович	E-mail: d413839@yandex.ru
	ORCID iD: 0000-0001-8240-6415
	Доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления

Для цитирования: Цыбаков Д. Л. Российское гражданское общество военного времени: специфика развития в условиях СВО // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 1. С. 20-29.

Введение

Оценивая российский опыт функционирования гражданского общества в условиях военного времени, следует указать, что подобная ситуация создает специфические условия для поддержания государственно-гражданского диалога. Заслуживает поддержки аргументация российского исследователя Е. Л. Яковлевой относительно сущности и содержания взаимодействия «общество-государство» в военный период. Для означенного процесса признавалось наличие состояния «соучастия», которое возникает на основе совместного коллективного действия: государственные институты и общественные объединения, идентично оценивая ситуацию военного времени, достигают состояния нравственной сопричастности [1]. Весьма обоснованным представляется тезис, согласно которому в условиях военного времени для России характерно формирование «мобилизованного общества», что позволяет признать за гражданским социумом адаптивные возможности для приспособления к кризисным условиям. Российский политолог В. К. Белозеров указывал, что именно состояние войны и военного времени выступает одним из решающих факторов организации гражданско-военных отношений. Военно-гражданские отношения понимаются в настоящей работе в соответствии с научными разработками отечественных политологов и политических философов, которые в своем большинстве подразумевают под указанным феноменом процесс взаимодействия военной организации государства и социума. В результате возникает система функциональных связей, обеспечивающая коммуникацию между обществом и компонентами вооруженных сил по поводу поддержания военной безопасности государства [2].

В свою очередь, А. А. Ковалев аргументировал, что административно-бюрократический аппарат на деле ограничивает инициативы гражданских институтов в сфере поддержания военной безопасности. При этом деятельность самого гражданского общества в области военно-гражданских отношений оценивалась как малопродуктивная, причиной чего назывались разобщенность и социальная аморфность негосударственных институтов [3]. Отмеченные обстоятельства должны приниматься во внимание при оценке трансформаций российского гражданского общества в период Специальной военной операции 2022–2023 гг.

Методы

На протяжении развертывания вооруженного конфликта участие гражданского общества в содействии российским вооруженным силам приобретало все более масштабный, регулярный и многосторонний характер. Стремительными темпами увеличилось число политических и неполитических субъектов, установивших прямые связи с конкретными подразделениями, частями и соединениями армии и другими государственными вооруженными формированиями. Ввиду чего инструментарий исследования сформирован на основе исторического, компаративистского, структурно-функционального методов. Применение исторического метода позволяет ретроспективно рассмотреть событийный ряд развития патриотического сегмента гражданского общества России в период от начала «Русской весны» 2014 года до развертывания Специальной военной операции 2022–2023 гг. Компаративистский метод реализует задачу сопоставления и сравнения деятельности различных типов институтов «третьего сектора» в период вооруженной борьбы за историческую Новороссию. Обращение к структурно-функциональному методу способствует систематизации представлений о модификациях структуры гражданского общества современной России в условиях продолжающегося вооруженного конфликта.

Результаты

Комплексное применение общенаучных методов позволяет обосновать, что по состоянию на 2023 г. активной работой в сфере военно-гражданских отношений оказались охвачены, во-первых, субъекты, которые изначально предназначались для широкого круга общественно-политических задач, прямо не связанных с политикой национальной безопасности [4]. К таковым следует отнести такие объединения, как Общероссийский народный фронт, «Женское движение Единой России», общество «Царьград», молодежные объединения парламентских партий. Вторую группу составляют волонтерские объединения всероссийского и регионального уровня, до начала СВО также не имевшие отношения к сфере военно-гражданских отношений. Показателен пример массового волонтерского движения «Мы вместе», которое было создано при поддержке правительства в период борьбы с пандемией, а с 2022 г. оказалось переориентировано в том числе для сбора гуманитарной помощи вооруженным силам и семьям мобилизованных военнослужащих запаса.

Третья группа состоит преимущественно из ветеранских объединений и организаций бывших военнослужащих, которые сложились задолго до начала «Русской весны» 2014 г.: Союз десантников России, всероссийская организация «Боевое братство» и аналогичные субъекты. Участие в событиях СВО остается для всех перечисленных выше категорий одним из направлений приложения их деятельности, которая весьма многообразна и выходит за рамки непосредственной коммуникации с военной организацией государства в ситуации вооруженного конфликта.

Четвертая, наиболее репрезентативная и активная группа гражданско-военного взаимодействия представлена различными военизированными общественными субъектами, основным предназначением которых выступает оказание военно-прикладной, технологической, консультативной и другой негуманитарной поддержки вооруженным силам Российской Федерации. По сравнению с другими группами субъектов, вовлеченными в процесс гражданского обеспечения СВО, данная категория самая многочисленная по своему количественному составу и универсальная по объему добровольно взятых на себя функций. Особенность ее в том, что в рядах таких объединений могут состоять и действующие военные, и активисты, имеющие опыт участия в войне на Донбассе в 2014–2022 гг. в рядах ополчения и корпусов народной милиции ЛДНР.

Типичным примером подобного рода является работа Координационного центра поддержки Новороссии (КПЦН), созданного А. Любимовым, А. Марковым, А. Морозовым и П. Бирюковым в мае 2014 г. для взаимодействия с бригадой ополчения (затем батальоном народной милиции) ЛНР «Призрак». За девять лет существования совместно с фондом «Но пасаран!», возглавляемым А. Колесниковым, эта группа внесла решающий вклад в преодоление ряда системных проблем боевого обеспечения российских вооруженных сил. После начала Специальной военной операции объединения подобного рода стали распространяться во все возрастающем масштабе. Как правило, численность каждого из них невысока, однако общее количество волонтерских сообществ и уровень их активности намного превосходят аналогичные показатели неправительственных организаций довоенного времени.

Ввиду определенного ослабления монополии публичной власти на законное насилие среди гражданских объединений еще в период 1990-х гг. стали проявлять себя субъекты, в той или иной мере использующие принципы и практики военизированной направленности. Вскоре после начала СВО произошла децентрализация военной организации государства – добровольческие отряды, создаваемые с весны 2022 г, со-

храняли определенную автономию от вышестоящего командования вплоть до июля 2023 г. В ряде случаев они не были связаны с армией контрактными отношениями [5]. Обязательная практика заключения контрактов с добровольцами исключительно через военные комиссариаты была учреждена приказом министра обороны РФ № 67 от 6 марта 2023 года – через год после начала СВО. Все предшествующее время соглашения о прохождении службы заключались с коммерческими компаниями, аффилированными с «Боевым армейским резервом специальным» (БАРС).

На деле оказывалось, что структуры подобного рода создавались целиком на основе ранее возникших военизированных общественных объединений или же комплектовались путем набора членов различных парамилитарных организаций. Основными формами институционализации патриотов-добровольцев стало их включение в состав батальонов БАРС, направление в ряды создаваемых по инициативе властей субъектов Федерации региональных и национальных частей, а также в частные военные компании. Наиболее активную роль в создании иррегулярных формирований сыграли Союз добровольцев Донбасса, военизированное крыло «Русского имперского движения», Союз казаков-воинов России и зарубежья (СКВРиЗ), ряд других военизированных объединений, принимавшие участие в боях на Донбассе еще с 2014 г. Лидеры и активисты организаций-доноров в большинстве случаев занимают командные должности в формируемых на их основе боевых единицах.

В результате в системе военной организации государства возник автономный компонент в лице иррегулярных частей, представленными отрядами системы БАРС, региональными батальонами и батальонами территориальной обороны. Последние существовали в ЛДНР во времена их независимости наряду с имевшимися там республиканскими армейскими корпусами. Близкое положение занимают милиционные формирования и отряды самообороны, организованные властями весной–летом 2023 г. в приграничных регионах Российской Федерации: Белгородской, Курской и Псковской областях, а также народная дружина «Бригада Катукова», образованная в Орловской области.

Заметный элемент иррегулярного сектора военной организации России в период СВО также составили интегрированные в ее состав 1-й и 2-й армейские корпуса Народных милиций ЛДНР. Вооруженные силы народных республик обладали специфической историей своего развития, так как в значительной мере оставались продуктом именно общественных инициатив, возникли из народных военизированных организаций. Ввиду чего к началу СВО Корпуса народной милиции и другие вооруженные формирования ЛДНР весьма отличались от функциональных и институциональных параметров организации и деятельности российской армии.

Все перечисленные выше структуры, спустя полтора года проведения СВО достигшие масштаба бригад и корпусов, представляют собой специфический субъект военно-гражданских отношений, делегированный гражданским обществом для защиты суверенитета страны.

Отметим, что практики иррегулярности вместе с эскалацией военных действий стали распространяться и в армейской структуре: большинство боевых подразделений частично перешло на самоснабжение в области передовых средств и разработок вооруженной борьбы и ее обеспечения. В ряде случаев отбор уже не в иррегулярные, а в армейские части, созданные из добровольцев, осуществлялся на принципах, установленных гражданскими корпорациями. Легализуясь посредством вливания в военные ряды, такие группы, уже будучи юридически обычными воинскими частями,

преимущественно пополнялись сторонниками общих идеологических убеждений и идейных установок.

Следует указать, что именно формат Специальной военной операции стал тем каналом, через который оказалась возможной социализация ряда негосударственных общественных объединений асоциальной или деструктивной направленности. В качестве примера можно назвать боевую работу добровольческого батальона «Эспаньола», личный состав которого пополнился исключительно представителями т. н. «активных фанатов». Околофутбольные хулиганы из «групп поддержки» разных, причем враждебных по отношению друг другу клубов сплотились в воинский коллектив благодаря авторитету лидера этого формирования – ветерану чеченской кампании и участнику восстания 2014 г. на Донбассе С. Орлову. В данном случае привлечение представителей радикальных группировок к делу защиты Отечества, несомненно, имеет решающее значение для снижения экстремистских устремлений и преодоления потенциала асоциальной агрессии данной категории российской молодежи.

Помимо вооруженных формирований, возникших по инициативе гражданских институтов, весьма действенным компонентом военно-гражданских отношений выступают волонтерские группы и сообщества, на системной основе решающие первоочередные проблемы вооруженных сил. Особенность их деятельности в том, что, помимо решения проблем гуманитарного характера, они прямо нацелены на обеспечение войск всем необходимым для служебно-боевой деятельности, включая оснащение воюющих подразделений и частей средствами и технологиями вооруженной борьбы.

Наиболее результативные из самодеятельных объединений оказались способны к самостоятельной организации производств и научно-конструкторских разработок передовых образцов связи, наблюдения, разведки, медицинского инструментария, маскировочных и защитных средств для людей и техники, транспортного сообщения и моделей боевого поражения противника. Итогом приложения усилий гражданских активистов и отставных кадровых военных стали значительные успехи в деле продвижения беспилотных систем и искусственного интеллекта для достижения победы над противником. Помимо решения прикладных задач предпринимаются попытки теоретико-методологического осмысления изменений характера военных действий, которые происходят под влиянием информационной и цифровой революций. Предлагаются и апробируются альтернативные методики и разработки, способные найти применение на тактическом и оперативном уровнях Специальной военной операции.

По факту в России в течение весьма ограниченного времени сформировался негосударственный сегмент оборонно-промышленного комплекса страны, включающий в себя значительный кадровый компонент, состоящий из инженеров, конструкторов, технологов, инструкторов, снабженцев, менеджеров, финансистов, журналистов и блогеров, способных совместными усилиями обходить бюрократические препоны и незаконные зарубежные санкции. Вопросы повседневного снабжения войск в прифронтовой зоне в значительной мере взяты на себя региональными и муниципальными волонтерскими группами. С началом частичной мобилизации и интенсификацией военных действий в приграничных субъектах Федерации стихийно складывается значительное количество гражданских сообществ, фактически занятых оснащением и экипировкой частей и социальной реабилитацией военнослужащих и членов их семей, располагавшихся в этих регионах.

Прежде всего объединения подобного рода возникали в прифронтовых районах Белгородской, Курской, Брянской областей, республики Крым, такие как «Помощь военнослужащим 31», «Помогаем нашим», «Я доброволец Курск». В скором времени аналогичные субъекты заявили о себе во многих регионах, географически отдаленных от линии боевого соприкосновения: фонды За Вятку (Кировская обл.), Цех52 (Нижегородская обл.) и многие другие. Кроме вновь возникших, ранее существовавшие объединения ветеранов военной службы и участников локальных войн также переориентировались на оказание помощи участникам военной операции 2022–2023 гг. В ряде случаев гражданские организации создавались специально для поддержки резервистов, ставших в армейский строй во время частичной мобилизации из конкретных муниципальных и административных образований.

Продолжением гражданских инициатив стали действия государственной власти по институционализации общественного потенциала. 2 ноября 2022 г. в ходе работы форума «Сообщество» было объявлено о создании автономной некоммерческой организации «Комитета семей воинов Отечества», основателями которой выступили ранее известные общественные акторы, некоторые из которых имеют известность еще с 1990-х гг.: «Женщины России», «Союз семей военнослужащих», «Союз женщин России», «Матери России».

Стержневым звеном оформления гражданских объединений в России военного времени выступает социальная сеть «Телеграм». Другие интернет-ресурсы, имеющие зарубежных владельцев, с начала борьбы с киевским режимом заняли однозначную русофобскую позицию. На август 2023 г. в «Телеграме» было зарегистрировано более 170 российских порталов, освещающих события СВО; причем не менее десяти из них имели миллионные аудитории подписчиков. Такие лидеры интернет-пространства, как форумы «Мир сегодня с Юрием Подолякой», «Военкор Котенок», «Рыбарь», «Операция Z», «Старше Эдды», «Кирилл Федоров/Война.История.Оружие», «Реадовка» и многие другие, выполняют комплексные функции и не ограничиваются простым информированием о происходящих событиях. Подавляющее большинство из них генерализует общественные настроения, придает им рациональную направленность для обеспечения боевой работы войск. В развитие чего появляются телеграм-каналы действующих военнослужащих, а впоследствии и отдельных частей и соединений, как иррегулярных, так и кадровых: «Архангелы спецназа», «Десантник», «Воин ДВ», «Позывной «Осетин», «НГП Разведка», «Канал специального назначения» и им подобные, имеющие прямую и регулярную связь с группами общественной поддержки. Таким образом, в настоящее время именно сеть «Телеграм» служит связующим звеном между тылом и фронтом, обеспечивая результативность патриотических инициатив граждан России.

Логичным образом имеет место структурирование прежде разрозненных групп энтузиастов в сетевые объединения всероссийского масштаба. Подобный вывод основан на научном осмыслении тенденций, заявивших о себе в период 2000-х–2010-х гг. [6]. Характерно, что на данном этапе происходит конвергенция самостоятельных инициатив и устремлений институтов публичной власти. Особенный успех на данном направлении отмечается в субъектах Федерации Дальневосточного федерального округа, который вышел в лидеры по уровню военно-патриотической подготовки граждан. Не менее известен пример создания площадки государственно-гражданского взаимодействия в формате съездов разработчиков беспилотных летательных аппаратов «Дронница», проведенных в сентябре 2022 и в августе 2023 гг. Координационным Центром поддержки Новороссии во взаимодействии с правительством Новгородской

области и депутатским корпусом Ростова-на-Дону. Указанное мероприятие далеко вышло за рамки заявленной программы и представляет собой интеллектуальный ресурс, обеспечивающий консультативное и экспертное сопровождение Специальной военной операции.

Интенсификации народных инициатив способствовало изменение облика и структуры вооруженных сил. В течение нескольких месяцев фактически произошел отход от прежней доминирующей концепции «компактной профессиональной армии» в сторону восстановления многих параметров массовой «общенародной армии». Однако наряду с возрождением практик классического военного строительства, характерных для эпохи индустриального социума, в организационную систему армии оказались внедрены структурные компоненты, в XXI столетии носящие архаичный характер: по мере проведения СВО во все большем количестве создавались вооруженные формирования – добровольческие, региональные, национальные, частные. Их отличие от армии состоит в опоре на самоснабжение, во внутренней автономии и определенной юридической обособленности от вышестоящего командования. Оставляя в стороне вопрос о сугубо военной целесообразности воссоздания иррегулярных частей, отметим, что за счет их появления возник новый канал взаимодействия между вооруженными силами и обществом, представляющий собой весьма оригинальный сектор современных военно-гражданских отношений.

В отличие от государственных институтов социальной поддержки и реабилитации участников СВО и членов их семей, общественный сегмент военно-гражданских отношений в период СВО структурируется по принципу зонтичной организации. Причем впервые за российскую историю волонтерские организации задействованы не только в оказании гуманитарной помощи военным и пострадавшим от конфликта. Усилиями гражданских специалистов решаются задачи военно-технического и технологического характера, вопросы боевого применения войск, что следует назвать уникальным аспектом развития военно-гражданских отношений в современной России. Естественным образом следует ожидать появления общественных движений, созданных участниками вооруженного конфликта. Первая организация подобного рода – «Всероссийский Союз ветеранов СВО» – образована военнослужащими одного из соединений Южного военного округа.

В то же время институционализация общественных инициатив по участию в СВО через формат гибридных негосударственных вооруженных формирований имеет и очевидные контрпродуктивные последствия. В первую очередь они выражаются в коммерциализации и политизации добровольческого движения. Основной причиной этого назовем распространение влияния финансово-промышленных групп и государственных корпораций в область военно-гражданских отношений. На практике такая тенденция выразилась в развертывании сети полуправовых частных военных компаний. Наиболее успешные из ЧВК, помимо вооруженного и экономического компонентов, обладают также мощным информационным ресурсом, политическим консалтингом и общественно-политическим представительством. В наиболее завершенном виде облик частных военных корпораций как субъектов военно-гражданских отношений сложился в деятельности конгломерата коммерческих предприятий, в обобщенном виде известных в общественном мнении как «группа «Вагнер».

Значимую роль в популяризации данного субъекта сыграло наличие у ее владельца, предпринимателя Е. Пригожина, мощной информационно-пропагандистской составляющей – медиа-группы «Патриот», Федерального агентства новостей (ФАН) и связанных с ними популярных интернет-блогеров. Представительство в структу-

ре гражданского общества обеспечивалось через возможности общественной организации – «Лиги защиты интересов ветеранов локальных войн».

Из приведенных выше сведений следует, что рассматриваемое сообщество представляло собой специфическую парамилитарную организацию. Доказательством чего назовем наличие четырех взаимосвязанных элементов в ее структурном оформлении: силового, экономического, общественно-политического и информационно-пропагандистского.

Благодаря деятельности подконтрольных электронных ресурсов и социальных сетей в массовом сознании длительное время, еще задолго до начала СВО, культивировался образ т. н. «милитари-культуры». Положения последней оправдывали в общественном сознании участие в военных действиях не по идейно-политическим соображениям, а для получения прямой выгоды, что связывалось с обеспечением интересов России в дальнем зарубежье. Оформлялась весьма специфическая корпоративная милитаристская этика, использовавшая оккультные практики и мораль кастовой исключительности. При этом участие в вооруженных конфликтах (напоминающих по своему содержанию обычные колониальные войны) в периферийных ареалах земного шара на ментальном уровне приравнивалась к идее защиты своего Отечества.

Итогом вмешательства «второго сектора» в область гражданских военно-патриотических инициатив стали многочисленные деформации практики военно-гражданских отношений. Среди них – криминализация и правовой нигилизм, вульгаризация идейной платформы и люмпенизация кадрового состава негосударственных военизированных структур. Находят подтверждение выводы, согласно которым в условиях социальной нестабильности индивиды, ранее сепарированные государственным законодательством от прохождения военной службы, обретают возможность поступать в ряды так называемых «частных армий» [7].

В сочетании с этим в значительной мере оказался монополизирован патриотический порыв законопослушных российских граждан и обеспечена его частичная переориентация с добровольного вступления в вооруженную борьбу на занятие военным делом в качестве своего рода поденщины или отхожего промысла. При оценках чего имеет смысл принять во внимание мнение П. С. Золотарева о возможности возрождения наемничества в форме частных военных кампаний в условиях глобализации современного мирового порядка [8].

Таким образом, перенесение активности ЧВК из стран «третьего мира» непосредственно в зону Специальной военной операции спровоцировало готовность преобразовать ее в так называемую «частную армию», притом обладающую филиалами и в структуре гражданского общества, и в международном информационном пространстве. В итоге к июню 2023 г. сформировалась реальная опасность для дальнейшего проведения СВО, проявила себя угроза для политической стабильности и конституционного строя России.

Выводы

В качестве итогового заключения отметим, что начало Специальной военной операции в феврале 2022 г. стало рубежной точкой судьбоносных трансформаций гражданского общества постсоветской России. Изменения коснулись и функциональных, и институциональных аспектов развития «третьего сектора» в Российской Федерации.

Отправными этапами восстановления патриотического потенциала социума стали такие события СВО, как решение государства о развертывании добровольческих вооруженных формирований весной 2022 г., нарастание военной угрозы в приграничных регионах Российской Федерации и объявление частичной мобилизации в октябре того же года. Переход военной операции из формата противостояния с киевским режимом в фазу противоборства с атлантическим сообществом потребовал широкой общественной поддержки стратегического курса властей со стороны гражданских объединений [9].

По мере проведения Специальной военной операции все большее количество социальных групп вовлекается в процесс прямой или опосредованной поддержки российской армии и иррегулярных частей. Происходит порядковое увеличение состава негосударственных структур как по направленности их деятельности, так и по охвату территориального пространства. Институционализированные, неинституционализированные и сетевые объединения в массовом порядке включают в себя все новые социальные агрегации и местные сообщества; в российской провинции группы поддержки воюющей армии остаются наиболее устойчивыми, а во многих муниципалитетах – и единственными представителями «третьего сектора». Таким образом, доминирующим направлением гражданско-государственного диалога в современной Российской Федерации становится сфера военно-гражданских отношений. Общественные субъекты, которые доказали способность организовать эффективную коммуникацию между армией и народом, имеют приоритетную возможность в обозримом будущем определять формат и направленность общественно-политических процессов в России XXI столетия.

Ссылки

1. Яковлева Е. Л. Время собирать камни... // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 119–124.
2. Белозёров В. К. Политология войны в системе научного знания // Философские науки. 2020. Т. 63. № 11. С. 74–90.
3. Ковалев А. А. Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций // Управленческое консультирование. 2017. № 9. С. 18–28.
4. Манышев И. В. Особенности консолидации общественных связей в городской в период проведения Специальной военной операции // Управление городом: теория и практика. 2022. № 4 (46). С. 29–32.
5. Сибилева О. П. Правовой статус добровольцев, участвующих в Специальной военной операции на Украине // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 12 (305). С. 57–62.
6. Сунгуров А. Ю. Российское гражданское общество и власть. СПб.: Алетейя, 2022. 403 с.
7. Бабюк С. В. Частные военные компании: современные интересы транснациональных компаний в локальных вооруженных конфликтах // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94). С. 230–235.
8. Золотарёв П. С. Военное наёмничество: особенности возрождения в XXI веке // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 2. С. 12.
9. Шушпанова И. С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 4. С. 97–108.